

**Блаженная
Мария Челесте Кростароза**

Ступени молитвы

(1-4)

Первая ступень
*Первая ступень мистической лестницы
внутренней молитвы –
об истине веры, объявленной Богом*

Невеста: Господи предвечных правд, в книге Песни песней Ты совершенным образом говоришь о чистейших представлениях своей чистой любви. Также душа, Твоя невеста в той же Песни, указывает там свою любовь к Тебе.

В отрывке, в котором она сравнивает своего Возлюбленного с молодым оленем (*Песни песней 2, 8-9*), бегущим по горам и скачущим по холмам, по моему мнению, замечательно указывает она, состояние души, живущей верой. Сперва она говорит, что узнала голос Возлюбленного, но одновременно замечает, что Он похож на оленя, быстро бегущего по горам. Этот, услышанный ею голос, становится нерушимой уверенностью об истине Божьих тайн, которые она слышит в этом «быстром слове», проходящем через ее духовые уши. Это сладкий голос, который рождает в ней святой огонь. Итак, движимая чистой и проникающей всё её существо жаждой, она ищет лица Возлюбленного. А это вызывает в её жизни чудесные эффекты, как пассивные (полученные от Бога), так и оперативные (сделанные с её участием).

Своему Возлюбленному она придаёт черты оленя из-за скорости его бега, характерного для этих животных. Она подчеркивает эту его черту, потому, что истина веры проникает с великой скоростью её душу, позволяя ей увидеть высоту «гор», т.е. возвышенность и высоту Божьего существа. Из этого исходит познание Бога и

уважение к Нему, и всё это погружает душу в удивление и восхищение.

Однако, из-за ограниченности её разума, она не может побежать за своим Возлюбленным. Поэтому сладко жалуется на свою медлительность, ибо хотела бы достигнуть Его и обнять (Песни песней 3, 1-4).

О, сладкий мой Боже и Господи, возбуди мой язык, чтобы высказал всё, что чувствует моё сердце, что касается пресвятой веры!

Ибо, хотя от этой теологальной добродетели, я начинаю первую ступень мистической лестницы, но в то же время, именно она является путём, который позволит нам войти на последнюю ступень этой лестницы. В этом мистическом возношении именно вера становится для души главным путём, царским путём, уверенной дорогой - проводником, который приведет её к соединению с Богом.

Она сама является мистической лестницей, видимой патриархом Иаковом, простираемой от неба до земли. Земля – это католическая Церковь, на которую опирается святая вера. Последовательно, каждый христианин основывается на прочном фундаменте, Краеугольном Камне, на Христе. Виденные патриархом ангелы, восходящие и снисходящие по этой лестнице, это - познание и объявление тайн веры, которые Бог передал нам этими небесными духами. Это каждый свет, каждое вдохновение, полученное от Духа Святого Отцами Церкви и глашатаями слова, чтобы они могли познать и понять католические истины.

Так как все Тело-Церковь-Невеста получило, благодаря заслугам Иисуса, все эти блага, так и каждая душа, каждый человек, будучи Твоей, о Воплощённое Слово, невестой, получает в своем духе полноту богатств, именно благодаря святой вере. Таким образом, каждая душа в своем маленьком внутреннем мире восстанавливает

и представляет перед Твоим величием все эти блага в самой себе. Итак, будто каждый находится во всем Мистическом Теле: будто все были в одном, и каждый был во всех. Поэтому является истиной то, о чём Ты пишешь в Песни песней, что Твоя дорогая и любимая невеста одна.

Именно она говорит в этой песне (3, 4), что захотела войти в дом своей матери, чтобы найти Жениха наедине, и чтобы там могла Его поцеловать, ибо там никто бы ее не видел и не наблюдал. Что же другое она хотела сказать этими словами, если не то, что домом ее родительницы является Церковь и вера, которой она живёт?

Говоря о поцелуе святого и любовного единения, она выражает свое желание, чтобы никто ее не видел и не наблюдал, ибо любовь нуждается в сокровенности, царствующей между влюбленными. Когда осуществится её жажда, и когда она будет пребывать в любовном соединении, благодаря чистой вере, тогда уже ничто, что живет внутри её, не будет ей мешать. Ибо в акте чистой веры, душа соединяется с Богом как тайным, так и простым образом, и поэтому туда не войдет ничто, что происходит от ее чувств и внешнего человека. Даже сатана не может никаким способом ее встревожить, ни обмануть.

К такому состоянию приходит тот, кто молится и созерцает Твои тайны. Ты позволил приобрести это и моей душе, и так обильно, что не могу этого ни обнять, ни высказать.

С полной уверенностью могу сказать, что святая вера участвует в подъеме души на каждую ступень этой мистической лестницы, даже до последней, до ее вершины, где святой патриарх Иаков увидел самого Бога. Так происходит потому, что от первого до последнего момента жизни, всегда нам необходима вера. Истинно, на последних ступнях она чище и более освящена, но она

никогда не отсутствует. Благодаря ей можно приобрести наивысшее Благо, Бога.

Чтобы сказать об этой ступени молитвы подробнее, опишу, как это происходит в моей душе. Вера, благодаря ее чистому видению всего в истине, породила в моем духе ревностное желание, чтобы видеть только Тебя, Боже (...). И это чистое стремление, чтобы всматриваться только в Возлюбленного, совсем не имело чувствительного характера, но лишило меня всего сотворённого. Поэтому если набрасывается на меня что-то сотворённое, тогда мне кажется, как бы я пребывала в чистилище, ибо не нахожу ни в чем удовольствия, даже в духовных утешениях. Таким образом, по собственной воле, в каждом состоянии молитвы я не ищу уже добровольно никакого утешения в том, что хорошее и прекрасное, а что нахожу в полученных мною откровениях.

Особым проявлением этой молитвы веры, будучи её первой ступенью, становится пребывание в чистой истине, которая не учит ничему другому, как только всматриванию в Бога, просто, но одновременно с великим уважением, подобающим Ему, как нашему наивысшему Благоу.

В этом состоянии молитвы можно пребывать непрестанно много времени, часов, дней, не зная, ощущаем ли мы тогда удовольствие, или страдание. Насколько чист этот акт веры, настолько полнее отдых, покой и уверенность, которые мы испытываем в Боге. Мы ни с кем не хотим тогда об этом говорить. Происходит это таинственным образом: мы сами не в состоянии достаточно это состояние проникнуть, чтобы его высказать и объяснить.

Есть еще одна причина, чтобы об этом замолчать: это чистое и единственное Благо, в которое всматривается душа, непохоже ни на что другое, что можно бы выразить словами. Поэтому не может об этом говорить.

Этот чистый акт молитвы осуществляется двумя отличными от себя способами. Первый происходит тогда, когда молящийся, созерцая Бога чистым взглядом веры, ещё бывает обеспокоен своими собственными мыслями, фантазиями, воображениями, происходящими от его чувств, тем, что его мучит и ему препятствует, хотя самая высшая часть его духа всматривается в единственный предмет красоты, в огромном покое и радости духа, в чистой вере. Хотя он и беспокоится о чем-нибудь, происходящем от сатаны или от его собственных мыслей и воображений, но всё-таки это происходит в великом покое.

Во втором проявлении этой молитвы, названным мною молитвой простоты, всё происходит по-другому, потому что в этом акте чистой веры молящийся человек находится уже в таком соединении с Богом, что даже всё, что низко в его природе радуется великим отдыхом, участвуя в простоте духа, хотя еще не эффективным образом, но уже аффективным. Не из-за эффектов, ибо всё, что внешнее (недуховное) в его природе продолжает своё действие: чувства продолжают свою активность, т.е. принятие всего, что сотворённое и земное. Но человек в этом состоянии молитвы, благодаря силе Божией, участвует в желаниях воли, ибо святая любовь, которую в его воле разливает Святой Дух, имеет силу передать опыт духа низшей части его существа. Это чистый дар Божий: он не является последствием человеческих усилий, но сверхъестественных его желаний.

О, чистая вера! Как же неизмерима твоя ценность! Через тебя душа одарена всеми сокровищами (...). Ты - единственные ворота, через которые я вхожу в моего Бога, и через которые мой Бог входит в обитель моей души! О, как я хотела бы плакать безутешно из-за неблагодарности бедного мира, который так мало ценит веру. Поэтому так

мало душ созерцательных, уменьшилось число тех, кто истинно верит и истинно является христианином, ибо вера почти умерла. Познание Божиих тайн во всей их истине – это путь молитвы. Именно в познании, в углублении веры состоит путь молитвы. Но кто и сколько людей в мире устремляется этим путём? Можно их легко перечесать среди бесчисленного множества всех людей-странников, а, прежде всего, среди христиан. Ох, мой Боже, позволь мне выразить эту жалобу, потому что в христианстве так мало истинно верующих, и поэтому - так мало святых! Если бы все были истинно верующие, все были бы святые.

Вторая ступень

О молитве пожертвования себя и зависимости от Бога в полной доверительности Ему, порождённой надеждой

О, наичистейшая истина святой веры, как ты сладка и драгоценна! Именно ты приносишь душе все Божьи сокровища. Благодаря твоей чистоте я открываю моё наивысшее Благо в его красоте. Это любовное видение держит меня одновременно в чистилище любви и страдания, потому что в истинном свете веры открывается различие между Твоим чистейшим существом и моим.

Если бы не живое доверие в отношении Тебя и надежда на Тебя, истекающие из веры, я бы испытала тяжёлую муку из-за этой красоты Твоего существа. Но, о Боже моего сердца, уверенность, порожденная в моей душе верой, зависима от ступени этой молитвы, чудесным образом умножает надежду и доверие по отношению к Тебе, так что я даже не в состоянии понять, каким образом я это получаю.

В этом таинственном, пассивном (т.е. данным ей Богом) знании, душа получает широчайшие понятия мудрости, доброты и могущества ее Возлюбленного. В облаке блестящей веры сияет красота ее вечного Солнца. В Нём душа познаёт всякое свое благо, своё начало и свой конец.

Поэтому на этой второй ступени мистической лестницы находит она в молитве отдых под крылами своего Возлюбленного, в «перьях» Его Божьих атрибутов. Так это хорошо сказано в Евангелии, что Он похож на птицу, которая собирает своих птенцов под крылья (Мф

23, 37). Также в Песни песней невеста говорит, что сидела в тени Возлюбленного и там отдыхала (Пп 2, 3).

Как мне высказать мир, удовольствие, уверенность, которыми душа радуется в этой молитве? Она бежит в безопасное убежище, под крылья Бога, где хранит себя в акте полной преданности, жертвования и зависимости от своего возлюбленного Блага. На Него возлагает все свои надежды, в Нём укрывает всю свою бедность, в Нём отдыхает во всех своих крестах, к Нему стремится все свои желания. Пребывая в Нём, она находит удовольствие во всех своих страданиях, мучениях, даже в презрении от людей. Отдыхая в Нем, делает так, как овечка в руках своего законного пастыря. Позволяет ему постричь, выдоить, обмыть, позволяет ему взять себя на плечи и занести туда, куда он хочет и где ему угодно. Вместе с Ним спокойно отдыхает: тогда из её сердца убегают все страхи, благодаря уверенности, которая изобилует в её душе. Тогда она единственным любовным взглядом представляет Ему не только себя, но также все нужды ближнего и каждое другое желание или милость, которых желает. Она стоит перед своим Возлюбленным и, этим единственным взглядом любви представляет Ему все свои нужды, а её духовные глаза радуются не только тому, что могут смотреть на Него, но, прежде всего, она радуется, что ее Возлюбленный смотрит на неё существенно, дружелюбно и милосердно.

Это происходит не только как обыкновенная молитва, но это является взаимодействием существ, передачей сердец. Тогда невеста (душа) получает все блага своего Возлюбленного Бога. Ей кажется, что она получила лекарства для всех своих нужд, и что не только все её просьбы были Им выслушаны, но даже её желания. В ее сердце царствует чудесная уверенность, что она уже всё получила.

Поэтому душа, которая, благодаря Божьей милости, находится на второй ступени молитвы, не сможет слишком долго испытывать какое-то внутреннее или внешнее страдание. Уверенность, происходящая из надежды, которую даёт вера, рождает в ней наивысшую близость и доверие по отношению к ее Возлюбленному Богу.

Своим взглядом она полностью отдаёт себя своему Возлюбленному, без остатка, всецело, силой любви, желая зависеть только от Его воли и распоряжений. Абсолютным образом и совсем добровольно, без всякого труда, но со всей несдержанностью любви отдает Ему, полностью, без исключения, всю свою волю и себя целиком. Таким же образом, Божьей добротой она приведена в Его чрево, чтобы овладеть полностью и своим Богом.

Он также своим Божьим взглядом отдаёт себя самого душе, чтобы она могла овладеть, как своими собственными, всеми Его Божьими атрибутами, и Он радуется, что душа находит в них радость и считает их своими в моменте соединения с Ним. В ее духе сохраняются чудесные эффекты этой молитвы. Поэтому потом она уже никогда не сомневается в своем Боге и не боится Его распоряжений, как трудных, так и сладких для ее чувств. Никогда не теряет упования и никогда не тревожится.

Оттуда истекает ее непреодолимая сила: не превозмогут ее никакие мучения, через которые нравилось бы Божьей доброте вести ее в этом мире, месте изгнания. Итак, она ожидает конца всего с великим спокойствием и миром. Более того, если ее чувства испытывают муку и тревогу, то она вменяет им это в вину, и ощущает из-за этого огорчение, которое является для ней большим крестом, чем какая-либо другая мука, которая бы ее в жизни постигла.

Она уверена, что ее Возлюбленный изобилует неисчерпаемым богатством; что Он могучий, святой и совершенный. Он не может действовать несправедливо, не может ошибаться, не может лгать, не подвергается переменчивости. Она хорошо знает, что для Его природы свойственно делать добро и любить того, кто любит Его искренним сердцем. Это знание истекает из веры, поэтому не может быть обманом или заблуждением.

Итак, каждое испытываемое лишение она принимает в истине, и если открывает свою беду, в Нем находит безопасное убежище, ибо никогда не чувствует себя сконфуженной или униженной своим всемогущим Возлюбленным. Она знает, что когда обращается к Нему в своих слабостях, Он считает делом чести придти к ней на помощь как отец, любить ее и охранять как жених, и как царь одаривать ее благами. Потому она может сказать как невеста в Песни песней, что «в тени его люблю я сидеть» (2, 3).

В этой молитве жертвуется сердце сердцу, в истинной дружбе, без зависти, всегда, без всякого исключения. Кажется, что в этом соединении Жених играет с душой в свое Царство и в свое величие. И в этой игре Он специально позволяет ей победить, чтобы, таким образом, удовлетворить свою любовь к ней, ибо Он видит, что Его возлюбленная ощущает то же самое счастье, и Он выводит ее из места изгнания в Царство покоя. Душа в этом состоянии испытывает ту же самую уверенность, которая делает счастливым Бога в Нем самом; конечно, только в такой мере, в какой она способна в нынешней жизни все это ощутить и познать.

Тогда любовь в ней так сильна, что готовит душу к принятию любой муки и любого страдания. При этом она себя не ценит слишком высоко; ее сердце расширяется, чтобы не ограничиться в тесноте своей слабости. Почти

освобождается от своих чувств и формирует свой дух так, чтобы стал «лакомым куском» для ее Возлюбленного.

В этой отдаче она не имеет другого желания, как только принадлежать Тому, кого единственно любит. Желает «войти в Его сердце», чтобы только там обитать нераздельным образом. И кажется, что в этой отдаче любовь произносит только такие слова: «Я только для тебя, а ты полностью для меня». Это хорошо сказала невеста из Песни песней: *«Возлюбленный мой принадлежит мне, а я ему»* (2, 16).

Тогда она действительно чувствует, что не принадлежит уже никакому творению, не ожидает ни от кого никакого блага, никому не чувствует себя обязанной из-за какого-то служения. Более того, Жених своим провидением так всем располагает, что люди, даже друзья, шутят над ней, или о ней забывают. Все так происходит потому, чтобы она лишилась всего мирского. Также потому, чтобы она сильно не включалась в действия этого мира, то из-за таинственной немощи, которую ощущает в занятиях мирскими делами, или потому, что все осуждает она искренно, не приспособиваясь к принятому способу жизни. Тогда она не в состоянии оказать кому-то особых чувств приязни, кроме искренней милосердной любви. Поэтому часто ее домочадцы осуждают ее поведение негативно и относятся к ней с недоверием. Это становится причиной ее одиночества и оставления другими, чтобы затем служить большему соединению с ее Благом. Конечно, это происходит не без испытания, ибо ей кажется, что другие отвергают ее как лицо скрытное и меланхоличное.

О, мой Боже, сколько благ и пользы Ты извлекаешь из самых мелких проявлений нашей жизни, которые нам кажутся только случайными! О как достойны восхищения твои распоряжения! Как полезны они для нас! Достаточно

сказать, что они истекают из сердца искренне нас любящего и полного мудрости.

Благо мое единственное, мне хватает, что я имею Тебя, и это делает меня полностью счастливой. Не жажду уже в жизни ничего другого, как только Тебя, единственное мое Всё!

Третья ступень
***Всё полное счастья и всякого блага
и ничто в своем ничтожестве***

Слово «всё» включает в себе каждую вещь. Это слово общее, но включает и каждую вещь в отдельности. Но мое Всё полное счастья, о котором будем говорить в особенности, живет так из-за своего существа, не из-за материальной формы, ибо является единственным чистейшим существом существенным и Божьим, независимым, абсолютным в постоянстве своего Существа в себе самом. В Нем каждое сотворенное существо имеет свое начало, естество, существование, от Него зависит. Вне Его не существует ничто другое кроме ничтожества в каждой вещи, как на небе, так и на земле; как среди сотворений разумных, так и неразумных, находящихся на земле, как и на небе во всех блаженных духах.

Хотя они не нуждаются в смирении и унижении как мы, сотворения из земли, из-за частички того, что животное в человеческой природе, а также из-за последствий греха первородного и грехов настоящих, но и эти духи небесные имеют истинный повод для унижения, которое их совершенствует в их блаженстве. Они, восхищаясь и любясь Богом, открывают правду о зависимости их существа от Него.

В блаженной вечности самое большое счастье небесных духов заключается в их всматривании в Того, кто является их Началом, Существом и Жизнью. Вне Его они не имеют ни существа, ни начала, ни жизни, ни счастья. Поэтому всякая хвала этих небесных жителей заключается в настоящем унижении себя самих: и эта правда делает их счастливыми. Она становится причиной их существования, и также благодаря ей они участвуют в блаженстве.

Господи, как я могу объяснить дело такое сокровенное и тайное, но, все-таки, безошибочную правду? Какая же хвала всех святых на небесах, если не полное уничтожение себя самих? Только они могут быть истинно смиренными, а не мы, бедные путники на земле. Это возможно потому, что они находятся перед открытым светом правды, сияющим без всякого тумана, без всякого препятствия: в Боге они видят единственную причину, начало и существо всякого их блага.

Моим намерением не является объяснение подробных и отличительных причин, как мой Бог присутствует во всех вещах и во всех видах сотворений. Оно не имело бы конца и только для этого надо было бы большую книгу. Моим намерением является говорить только о сути этой ступени молитвы в общих выражениях, которые наилучшим образом пригодились бы в объяснении всего, что касается нашего духа и самого Бога.

Возвращаясь к нашему размышлению, надо сказать, что главной причиной наших бед и слабостей является погружение во все низкое, в вещах этой земли, подчинение чувствам и страстям, тысячи случайностей, изменчивых и нестабильных, которые как многочисленные облака закрывают ясность предвечной правды.

Мы живем в нечистых сосудах из земли, которые выделяют тяжелые пары, препятствующие нам наслаждаться чистым воздухом Божества. Все эти препятствия делают нас слепыми для света истинного познания нашего высочайшего Блага и поэтому мы остаемся лишены всякого утешения, которое сделало бы нас счастливыми. Мы останавливаемся только на вещах, которые видим и понимаем природными чувствами. Затем испытываем многие тревоги и превратности судьбы. Жизнь в изгнании является горькой и полной страдания, потому что бедный дух, сотворенный Богом для Него самого,

испытывает унижение своего достоинства, видя себя погруженным в ложь и во все, что низкое этой земли, что его связывает и ограничивает.

Тогда, наш любящий Бог, сочувствуя нищенскому состоянию своих сотворений, прокладывает, через чистый свет веры, некий луч правды в некоторые души, желающие соединиться с Ним в любви. В этой третьей ступени молитвы Он одаривает их, через свет этих ангельских хоров, лучом ясности, позволяющей им участвовать в Его Божестве. Благодаря полученному от Бога познанию, истекающему из веры, Бог показывает душе, что Он является Всем в существе каждой вещи. И именно этот свет правды уничтожает в человеке всякую ложь, видимость и фальшь в восприятии вещей этого мира, как и принадлежащих нашему эгоистическому я. Тогда Бог помогает душе актом уничижения отречься как от себя самой, так и от всего созданного. И так как через этот акт душа отыскивает свой настоящий центр в своем Начале, который является ее существом и всяким Благим, тогда испытывает в себе столь чудесное счастье, как будто в своем небытии она была всем.

Если было бы в ее силах пребывать в этом акте уничижения, без сомнения она стала бы в этом месте изгнания счастливой и поняла бы (истину). Но это не может происходить постоянно в жизни путника в этом мире, поэтому наш Бог уделяет его души не постоянно, но только на некоторое время, чтобы она делала все усилия, чтобы отделиться от всего связанного с земным, с внешним в ее человеческой природе, живя в неустанном отделении от себя самой. Эта молитва, которой Господь одаривает душу, приносит душе хорошие результаты, но не может ее сделать здесь, на земле так блаженной, как делает блаженными жителей неба, ибо здешний мир не является местом блаженства.

О Боже, как примирить это мнение с обычным суждением, что мы здесь на земле должны унижаться как грешники, полные зла, а в небе смирение не понадобится, ибо блаженные из-за их блаженства не могут практиковать этой добродетели? Хочу на это ответить моим рассуждением в этой главе.

Говорю, что ни ангелы, ни блаженные, не могут практиковать этой добродетели действующим и моральным образом, конечно, не таким способом. Но я убеждена, что в их пассивном уничтожении заключается все их вечное блаженство, как ангелов, так и святых, нераздельно. Более того, я говорю, что только на небе находится настоящее смирение, ибо там есть настоящее познание истины. Терпеливость, благоразумие, долготерпение, выносливость, умерщвление, крепость и все другие добродетели, кончатся после земной жизни, но это, можно сказать, начнется на небе, и поэтому не кончится с телесной смертью.

Причина состоит в том, что они (небожители) не радуются блаженством из-за их собственного существа, но тем, чем является только их Бог в себе самом. В Нем они существуют и радуются высочайшим Благом. Итак, в акте блаженного наслаждения совершается акт высочайшего уничтожения. Более того, будучи соединены в жизни и в существе с их высочайшим Благом и высочайшим Всем, соединяются с этим актом бесконечного дарения, который совершается между тремя Божьими Лицами, Отцом Сыну, и Сыном с Отцом Святому Духу. Они существуют более в своем нескончаемом Всем, чем в себе самих, и по истине, находят наслаждение и счастье в своем ничтожестве.

Этот акт так чистый испытывает также любящая душа еще странствующая, но только в некоторых моментах. Он все-таки оставляет в душе, которой Бог часто уделяет этот дар, свои последствия: она чувствует себя потом долгое время привлечена воспоминанием этого опыта, и даже в

течении многих лет часто погружается в восхищении от этого пережитого видения. Часто так восхищена, пребывает в молитве перед Богом, без какого-либо другого познания. Поэтому потом боится впасть в заблуждение, ибо она не замечает, что делает, где пребывает и так долго почивает ее душа. Но чудесным образом возрастает в ее духе ревностное и таинственное усердие, святая ревность, желание всего для своего Возлюбленного, ничего для себя. Не может уже такая душа находить удовольствие в любовании собой. Если она приобрела некоторые добродетели, не ищет к себе уважения, и заслуг в добром, потому что она неустанно всматривается в свое единственное Благо. Если Бог открывает ей находящееся в ней благо, она видит, что Он ее этим одарил. Тогда с радостью этим восхищается и с почтением уважает. Не видит в нем себя саму, но свое возлюбленное Все, Источник всякого благо, перед которым всегда преклоняется.

Из этого рождается еще другое хорошее последствие: она не становится тщеславной, если уважают ее люди, ибо не слишком ценит себя саму, но полностью стремится к своему Все. И поэтому каждый раз, когда Господь возвращается, чтобы поместить душу в этой молитве и позволить ей испытать свою славу, в течении короткого время этой молитвы, душа пьет до полного насыщения, которое распространяется во все вены ее духа и наполняет всю пустоту ее души.

Где же душа может, как верим, найти такое насыщение благом и удовольствие воли, если не в исчезновении себя самой и в отречении от каждой вещи и в каждой вещи. И если испытывает какое-либо страдание в этой жизни, это происходит из-за движений ее земной природы, проявляющей желание кого-то или чего-то низкого из этого мира или для себя самой. Это является ее большим крестом и отвращением, хотя в этом состоянии

редко появляются в душе такие движения. Время от времени Господь их позволяет для ее большей пользы и духовного развития. И чем больше она радуется в своем Центре, тем больше хотела бы укрыться перед всеми и перед всем. Она особым образом радуется, если ее никто не замечает. В глубине сердца более любит свои унижения, чем какое-то ценное сокровище. Она более насыщается в пассивном акте воли, полученным один раз от Возлюбленного, без природного познания, силой первого высшего познания своего нескончаемого Все.

Здесь распространяется и расширяется на огромную ширину ее дух двумя способами: или в восхищении и удивлении или в любовном наслаждении воли. Оба действия так таинственны, что только немногим душам дано их понять и высказать, без особой благодати и просвещения.

У некоторых душ они более чувствительны, а у других так чисты и интенсивны, что даже они сами не достигают их понимания; они только некоторое время их предчувствуют. Но благо, исходящее из этой молитвы познается очень легко, потому что для таких душ мир становится пустыней. Они не находят больше удовольствия ни в том, что прекрасно и приятно для чувств, ни в природном, ни в мирском. Они не находят больше утешения в какой-либо сотворенной вещи. Разговоры и развлечения с людьми являются для них мучением, а иногда и мученичеством. Душа видит себя саму как бы живым трупом, но мертвой.

Боже мой, сделай, чтобы замолчал мой язык, потому, что не могу выразить истины о том, что испытываю.

Четвертая ступень
***О молитве Божьего благоволения:
благоволение в Возлюбленном Боге***

Очень трудно объяснить, чем являются сокровища и блага, заключенные в этой ступени молитвы, но Жених в Книге Песни песней представляет их высочайшее значение в словах, которыми приглашает невесту войти в его сад: *«Поел сотов моих с медом моим, напился вина моего с молоком моим»* (5,1). В другом месте говорит: *«Я скинула хитон мой, как же мне опять надевать его?»* (5,3).

О Бог моего сердца, несотворенная Мудрость, какое же высочайшее значение заключено в этих уже высказанных словах. Ты приглашаешь невесту, друга твоего, иходишь в сад закрытый, но Твой. Я обратила внимание на это слово любовного приглашения, которым повелеваешь ей взять и попробовать мед с молоком Твоим и пить Твое вино. Что Ты хочешь сказать пользуясь этими словами: молоко, мед и вино, каждое называя Твоим. Этими чудесными словами объясняешь Себя.

Через этот закрытый сад Твоих сладостей я понимаю святое Человечество Слова. Ты хочешь, чтобы сюда вошла невеста и попробовала молоко, мед и вино. Отца представляет мед из-за нескончаемого состава Его Божьих совершенств, состоящих из медоносной сладости и благоволения Его воли достойной любви. Сына представляет существенное молоко, которым кормятся и питаются дети святой Церкви. Святого Духа представляет вино, которым мы восстановлены и подкреплены в любви.

Потом Ты просишь друзей пить и насыщаться и высказываешь слова: *«Я сплю, а сердце мое бодрствует»*

(5,2). Таким образом, говоришь об отдыхе и насыщении, которые здесь испытывают. Ох, да, любимый Боже!

В этом закрытом саду находятся истинный отдых и настоящее насыщение. Здесь Ты не хочешь пребывать только один в своих благах и сокровищах. Просишь и умоляешь невесту и возлюбленную, говоря: *«Отвори мне, сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя! Потому, что голова моя вся покрыта росой, кудри мои – ночью влагою». Я скинула хитон мой, как же мне опять надевать его?»* (5, 2-3).

Ты говоришь, что Твоя голова покрыта ночью росой, желая объяснить, что Твое Человечество в ночи этого мира было окроплено множеством страданий. Мокрые волосы означают позор, испытанный от мира. Жених говорит, что снял хитон, чтобы одеть в него свою невесту. Желая выполнить благоволение, волю своего Отца, Он сделал все это: снизошел с неба, стал человеком, жил испытывая неустанное унижение, умер на кресте, только из-за Божьего благоволения и удовлетворения.

Ох, только Иисус знал, что означает Божие благоволение. Поэтому я не удивляюсь, что Он так сильно хотел страдать, чтобы удовлетворить и исполнить это блаженное благоволение. Для этого Он питался молоком, медом и вином своего Божества. Это была Его пища, как Он сказал своим ученикам во время разговора с женщиной-самаритянкой. Иисус не питался другой пищей как путник в этом мире, только эту считая пищей своей души.

В четвертой ступени молитвы Он приглашает душу-невесту в свой сад, то значит в Свое Человечество. Чистейшим актом Он вводит душу в этот сад Божьих сладостей, где одаривает ее молоком, медом и вином. В жизни любящего и Божьего Жениха, являющегося закрытым садом сокровищ Бога, Богом Человеком, невеста

пробует сладчайший мед, происходящий от Бога Отца, составленный из многих цветов, так как многие есть дела сотворения всех творений небесных и земных. И как говорит св. Иоанн: *«Все через Него начало быть»* (Ин 1,3), своим нескончаемым благоволением Отец все сделал для Своего Божьего Слова, которое является Его единственным благоволением и нескончаемой радостью Его любви.

Также Слово, единственный Его Сын, равный совершеннейшему существу Своего Отца, направляет к Отцу это же самое Слово через свое Человечество, с Ним соединенное и вознесенное. Это означает, что Слово, соединенное с человеческой природой выражает такое же стремление, как Отец: *«Все через Него начало быть»*.

Этим словом питалась душа Иисуса, когда Он был путником на земле: каждое действие, мысль, каждое слово происходили из благоволения Его Отца, на подобие того, как Бог Отец относился к Слову.

И поэтому невеста в этом Божьем благоволении питаемая молоком того же самого Слова Отца, от которого оно происходит и которое Он дает нам как пищу в Пресвятом своем Человечестве.

Грудью, из которой мы кормимся, являются примеры, учение и дела Иисуса. Это нас укрепляет и позволяет участвовать в нескончаемом благоволении, из-за которого Сын так сильно любил, так много сделал и так страдал в Своем Человечестве.

Подобно любящая невеста пробует вина любви, которым Дух Святой, соединенный с Отцом и Сыном, насыщает все блаженнейшие моменты вечной славы, которую в этом же самом благоволении имеет блаженная Троица в себе самой.

О драгоценное благоволение, благоволение сладчайшее, как же я, ничтожное творение, могу

объяснить, чем ты являешься? Достаточно сказать, что Ты являешься Всем, существенной причиной всего, что Ты сделал в деле сотворения, воплощения и сохранения всего сотворенного.

Затем благоволение моего Бога является самым существом моего Бога. Поэтому Иисус возлюбил благоволение Бога более чем всякое другое сотворение. В святом Евангелии Он сравнивает его с пищей.

Если должен бы родиться, страдать и умереть только для одного человека в мире, Он считал бы эту смерть как жестокою и позорною ничем, лишь бы таким образом удовлетворить Божие благоволение.

Душа, которая получает это познание и которую Господь вводит в эту молитву, в свет этого познания, раньше бывает одарена участием в соединении с Человечеством Слова. Тогда она в любовной близости соединяется с душой Иисуса, обыкновенно в Святом Причастии. Теряясь в любви, чувствует свое Благо как живущее в ней.

В этом закрытом саду, куда была введена Женихом, получает она высочайшее познание, хорошо определенное и понятное в содержании, насколько она на это способна, как выше мы это сказали. Она наслаждается медом, молоком и вином, и так Господь дает ей попробовать того же самого Божьего благоволения, добавляя глубокое и определенное чистое познание о причинах и происхождении этого блаженного благоволения.

Тогда появляется в ней полностью Божественное наслаждение, а также уважение и познание огромной ценности этого достойного любви Божьего благоволения. Так сильно, что хотя душа один раз получила от Господа эту милость, она остается восхищенной в желаниях своей воли как во время молитвы, так и еще после ней остается притянутой этим воспоминанием и столь возвышенной

любовью: даже без повторения вышеупомянутого познания, не столько всматривается в своего Бога, сколько теряется в Нем.

Вытекающее движение ее воли и чувства ее сердца преисполнены радости. Тогда она даже не осознает, что из-за этого Божьего благоволения, которым насыщается, вся ее душа сочится и растворяется.

Плоды этой молитвы столь велики, что не хватило бы большого тома, чтобы описать их, сколько их и какие они. Здесь связаны все свободные движения воли, но не насилем и силой, ибо Господь не лишает человека свободы его воли, которой Он сам его одарил. Но, с полной уверенностью могу сказать, что они здесь связаны, ибо душа сознательно ничего не решает сама, по своему собственному выбору, как в делах касающихся ее самой, так и других. Не хочет кормиться никакими другими желаниями, ни духовными, ни проходящими, ни вечными. И хотя все это рождается внутри нее, она силой любви переменяет это в благоволение своего Возлюбленного, как будто оно было ее природным движением. С исключением некоторых первых движений, чувственных, которые она – сразу, когда их замечает – переменяет в благоволение своего Возлюбленного. Кажется, что Возлюбленный бодрствует в такой душе, если так можно сказать, над самими маленькими ее движениями. Он не позволяет, чтобы поддавалась этим природным проявлениям, но внимательно старается соединить ее с самим Собою.

Поэтому Он справедливо говорит к Книге Песни песней: *«Я скинула хитон мой, как же мне опять надевать его?»* (5,3).

Иисус, став человеком, обнажил себя, то есть отрекся от своего благоволения, от своего хотения, своей воли, чтобы выбрать благоволение и волю своего Отца.

Но сказал, что этот хитон наденет заново руками своей невесты, ибо, подражая Ему, любящая душа, жертвует своею волею и своими склонностями, даруя их вместе с Иисусом Божьему Отцу, живя уже не по своему благоволению и своей воле, но только для Божьего благоволения. Именно это означает облечься в новый хитон руками невесты. Ибо Он снял свой хитон, чтобы быть одетым ею.

Благоволение Божье – это хитон, которого Он требует от своей невесты. В ее свободной воле Он желает быть ее хитоном (новой одеждой), потому что Он не хочет прийти в мир в ином наряде, как только в том, который является Божьей волей.

Поэтому Он снял свой хитон и отрекся от любого своего желания и всякой склонности человеческой природы, подчиняя её Божьей воле. Отбросил каждое человеческое желание, жертвуя свою волю воле Отца. Итак, в своем Человечестве Он одел Божьим благоволением каждую человеческую природу, и своей святой волей одел всех своих возлюбленных, которые живут в Нем благодаря любви.

Поэтому душа, которую Бог одарил милостью понимания, чем является Божье благоволение в жизни Иисуса, соединенная с Ним-Каналом, через который доходят к ней воды рая, становится – по моему мнению - крепкою скалою. Ни крест, ни бури, ни огорчения не оторвут её от ее Центра. Она скорее позволила бы разорвать себя на кусочки всем созданиям, чем сделать самый маленький добровольный жест против Божьей воли и Божьего благоволения.

Терпеливо принимает все распоряжения этой воли. Не только переносит, но в огромном покое борется с сатаной, с бунтом собственной природы, со всем, что противоположное и твердое для ее чувств, и что никогда

раньше в ней не появлялось: бодрствуя, уничтожает все это и дает этому умереть, так что эти движения одновременно рождаются в ней и умирают. Она не только не позволяет своему языку высказать ненужные слова, но они не могут даже достигнуть ее сердца.

Живя этим блаженным благоволением, душа кормит свой дух пищей любви, которой кормится ее Бог в своей нескончаемой и вечной радости.

Но не на этом кончится благо, которое она получает как последствие этой молитвы. Она высасывает мед сладости из всего, что само по себе горькое для чувств, как несчастья, убожество, смерть самых близких, презрение, издевательство от людей, всякое унижение, какое-либо другое Божие распоряжение или всеобщее бедствие-наказание, посланное Богом для блага Его сотворений.

Она не может, ни в том что особое, ни в том что всеобщее, не испытывать благоволения и удовольствия в своем духе из-за того, что происходит, и что касается ее самой или ближнего. Она не умеет жаловаться на своего Бога ни перед кем, не может Его не жаждать, нет в ее сердце другого желания, как только это, которое Он требует и распоряжается. Не хочет также просить своего Бога, ни о чем другом, как только о выполнении Его благоволения.

Более того, ей хватит лишь услышать Божие имя или слово о Божьем благоволении, чтобы ее поднять в молитве к сладчайшему отдыху, которого невозможно выразить.

А если Господь одарит ее периодом сухости, она и тогда радуется, что не может радоваться, и в своем нерадовании радуется своим Богом. Если испытывает внутренние притеснения от сатаны, она их терпит, но без благоволения. В испытании этого креста, она не видит креста, ибо ее Бог это разрешил.

В итоге, она никогда не жалуется перед своим Богом, чтобы ей не приходилось испытать. Жалуется только тогда, когда видит, что другие люди не заботятся о чести и о славе ее Бога. Только из-за этого она жалуется, никогда о себе самой, ни о своей чести, ибо в ней живет только благоволение ее возлюбленного Бога.